

ХРАНИТЕЛЬ ЧУЖИХ СНОВ

Даниил Левин

Хранитель чужих снов

<https://litres.ru/73985579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть страхи, которые не лечатся. Есть сны, из которых не просыпаются.

Арсений Градов — единственный в городе сомнолог, который умеет стирать кошмары. Без таблеток, без гипноза — он просто забирает страх, превращая его в хрустальный шар. Его клиника работает как часы. Пациенты уходят без памяти о ночных ужасах.

Но один шар оказывается не кошмаром, а вещественным доказательством убийства. Мужчина в синем пальто. Женщина в луже крови. Лицо, которое Градов уже видел — на приёме у себя в кабинете.

Полиция бессильна: сны — не улика. А влиятельный убийца уже знает о даре сомнолога. Теперь Градов — мишень. И единственный способ выжить — самому войти в сон преступника. Туда, где каждый коридор ведёт к его страхам, а обратная дверь может закрыться навсегда.

Магический реализм, психологическая драма и расследование в одном флаконе. Без романтики, без хэппи-энда, но с ответом на вопрос: какую цену ты готов заплатить за чужой покой?

Содержание

Часть первая. Собиратель страхов	4
Глава 1. Тот, кто не спит	4
Глава 2. Женщина, которая не спала	9
Глава 3. Коридор	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Даниил Левин

Хранитель чужих снов

Часть первая. Собиратель страхов

Глава 1. Тот, кто не спит

Город назывался Ветроград. Он стоял на слиянии двух рек, и по ночам с залива тянуло сыростью, смешанной с запахом старого железа и цветущих лип. Фонари здесь горели желтым, но свет их казался вязким, как топленое масло. Люди говорили, что в Ветрограде тяжело спать. И это была не метафора.

Я — Арсений Градов — родился в этом городе и никогда не мог уснуть раньше часа ночи. В детстве мать водила меня к неврологам, эндокринологам, даже к бабке-знахарке на другом берегу. Бабка посмотрела на мои ладони, перекрестилась странным крестом — снизу вверх — и сказала: «У него зрачки вывернуты внутрь. Он видит то, что другим не снилось». Мать тогда испугалась и больше не водила.

Я и правда видел. Не будущее. Не ангелов. Я видел сны. Чужие.

Первое воспоминание: мне пять лет, я лежу в своей кро-

ватке, за стенкой похрапывает отец. И вдруг — как толчок под дых. Я не сплю, но перед глазами не потолок, а серое небо, поле, танк. Горящий танк. И чей-то крик, такой сильный, что у меня заложило уши. Я заорал. Прибежала мать. Я сказал: «Папе снится, что он в войне». Отец тогда не воевал никогда — он был бухгалтером. Но утром выяснилось: дедушка, которого отец не знал, погиб под Прохоровкой. И отец видел его смерть каждую ночь, но молчал.

Я не знал, как это работает. Просто в пять лет я влез в чужой сон и испугался. А потом — не смог вылезти. Целый час я сидел в голове у отца, пока тот метался в поту. И запомнил всё: запах горелой резины, вкус земли во рту, чувство, когда осколок входит в живот и становится горячо.

Потом всё кончилось. Я открыл глаза, мать дала воды. Отец проснулся спокойным. И больше никогда не кричал по ночам.

Я забрал его кошмар. Тогда — случайно. Навсегда.

Став взрослым, я узнал, что таких, как я, называют «сомнологи-эмпаты» в узких кругах. А в народе — хранителями снов. Но правда грубее: мы — паразиты. Мы питаемся чужими страхами, перерабатывая их в кристаллы. Без этого дара я бы сошел с ума — чужие сны лезли в голову сами. Я научился контролировать это только к двадцати трем годам, закончив медицинский и защитив диссертацию по атипичным формам парасомнии.

Теперь у меня своя клиника. «Сфера» — на первом эта-

же старого купеческого дома на улице Садовой. Три кабинета, две комнаты для дневного сна, одна процедурная. И — моя святая святых — комната с полками. Там стоят хрустальные шары. Сейчас их двести двадцать три. Каждый — чей-то кошмар, который больше никогда не приснится человеку.

Шары разного размера: от горошины (детские страхи: монстр под кроватью, потерянная игрушка) до кулака (военные травмы, насилие, смерть близких). Цвета тоже разные: черные, серые, лиловые, иногда красные — если страх смешан с яростью. Самый тяжелый шар у меня — темно-фиолетовый, с прожилками. Я взял его у женщины, которую насиловал собственный муж семь лет. Она не могла спать в одной комнате с мужчинами вообще. После процедуры она уснула в моем кабинете и проспала четырнадцать часов. Проснулась с улыбкой. А я смотрел на шар и чувствовал, как он пульсирует в ладони, как сердце.

Шары не разлагаются. Не теряют силу. Они хранятся вечно.

Я никому их не показываю. Даже ассистентке Ларисе, которая работает у меня шесть лет, запрещено заходить в ту комнату. Я говорю, что там архив. Она не верит, но не лезет. Лариса умная.

Моя жизнь текла спокойно. Пациенты, сны, шары. Деньги — средние, но мне хватало. Я привык быть один. Жена ушла три года назад, сказала: «Ты спишь с чужими кошмарами, а

со мной не можешь поговорить». Она была права. Я не умею говорить. Я умею забирать.

Вторник, 19 октября. Дождь. Лариса записала на вечер женщину — Веронику, преподавателя истории. В графе «жалобы»: «кошмары с физическими последствиями». Это меня насторожило. Физические последствия бывают редко — обычно это психосоматика: головная боль, тахикардия. Но Вероника написала: «ожог на запястье появляется после сна». Ожог. Настоящий.

Я посмотрел на свои руки. На правой, между указательным и большим пальцем, был старый шрам — след от сна моей матери, который я забрал в одиннадцать лет. Тогда я тоже получил физический ожог. Кошмар может ранить хранителя. Но пациент? Пациент не должен.

Я налил себе черного чая, подошел к окну. За стеклом — мокрые листья, одинокая машина, женщина под зонтом. Обычный вечер в Ветрограде. Я еще не знал, что этот вечер разделит мою жизнь на «до» и «после».

В 18:30 раздался звонок в дверь. Лариса уже ушла. Я открыл сам.

В дверях стояла Вероника. Тридцать пять, русые волосы собраны в пучок, глаза серые, но с красными прожилками — не спала несколько ночей. На левом запястье — свежий ожог, круглый, с четкими краями, как от сигареты. Она не курила. Она сразу это сказала:

— Я не курю. Я не пью. У меня нет врагов. Но каждую

ночь в четыре утра я просыпаюсь от запаха крови и боли в руке. И вижу этот ожог. Он появляется во сне. — Она сглотнула. — Доктор, мне кажется, я не одна в своей голове.

— Садитесь, — сказал я. — Расскажите всё с начала.

Она села в кресло, зажала ладони между колен. И начала рассказывать. Я слушал, смотрел на ее ожог и чувствовал, как в груди разрастается холодное предчувствие. Я еще не знал, что это предчувствие — эхо чужого убийства, которое ждет меня в ее сне.

В тот вечер я сделал первый шаг в пропасть. И назад дороги уже не было.

Глава 2. Женщина, которая не спала

Вероника Сергеевна Ветрова работала на историческом факультете университета. Она специализировалась на истории повседневности XIX века — изучала, как люди спали, ели, любили и умирали сто пятьдесят лет назад. По иронии судьбы, она сама разучилась спать.

— Это началось три недели назад, — говорила она, теребя край платка. — Я легла как обычно, в половине двенадцатого. И вдруг — резкий рывок, как будто кровать провалилась. Я открыла глаза — но это был не сон и не явь. Я стояла в коридоре. Длинном, с зелеными стенами, с запахом хлорки. И пол был мокрый.

— Вы узнали это место? — спросил я.

— Нет. Никогда там не была. Но оно ощущалось знакомым. Как будто я там уже жила. Или кто-то другой жил, а я смотрела его глазами.

— Дальше.

— Дальше — крик. Женский. Не громкий, скорее всхлип. И потом я почувствовала боль в запястье. Такую, будто мне прижигают кожу. Я проснулась. На руке был ожог. — Она показала. — Сначала я подумала — прижигание во сне, бывает же. Но на следующую ночь — снова. Тот же коридор,

тот же запах. И теперь я видела тень. Мужскую. Он тащил кого-то за шиворот. Я проснулась — ожог стал глубже.

Я попросил разрешения осмотреть ожог. Круглый, диаметром примерно сантиметр, края гиперемированы, в центре — белесое дно. Не похоже на химический или термический ожог. Скорее — на дерматографический след, но более агрессивный. Будто кто-то приложил к коже раскаленное клеймо.

— Вы обращались к врачам?

— К дерматологу, к неврологу, к психиатру. Дерматолог сказал: «Неизвестная этиология». Невролог назначил МРТ — чисто. Психиатр выписал антипсихотики. Я их пила две недели. Сны стали ярче, а ожоги — больше. — Она закатала рукав выше. На предплечье было три следа — разной степени заживления, но одинаковой формы. — Я перестала пить таблетки. И пришла к вам. Говорят, вы делаете то, что не могут другие.

— Говорят много чего, — я улыбнулся, чтобы разрядить обстановку. — Я не маг. Я сомнолог. Я работаю со сновидениями. Но то, что вы описываете — передача физического воздействия через сон, — это за пределами моей практики. Теоретически, если сновидение обладает высокой интенсивностью и связано с реальным травматическим событием, возможно соматическое отреагирование. Но чтобы ожог — Я покачал головой. — Так не бывает.

— А если бывает? — Вероника посмотрела мне прямо в

глаза. В ее взгляде была не истерика, а спокойная, холодная решимость человека, который перепробовал всё и теперь готов на любой риск. — Я слышала про ваши хрустальные шары. Я знаю, что вы забираете кошмары. Заберите мой. Я заплачу любые деньги.

— Дело не в деньгах, — сказал я. — Если я войду в ваш сон и что-то пойдет не так, я могу не вернуться. Или вернуть вас с нарушенной психикой. Это рискованная процедура.

— А вы видите другой выход? — Она снова закатала рукав. Ожог пульсировал. Я бы сказал, что это игра света, но я слишком хорошо знал, как выглядит живой страх. Ожог дышал.

Я вздохнул. Достал из сейфа фокус-линзу — хрустальную подвеску, усиливающую мой дар. Проверил пульс у Вероники — 98 ударов, давление 130 на 85 — на границе тревожности, но в пределах допустимого.

— Хорошо, — сказал я. — Ложитесь на кушетку. Я буду рядом. Если вы почувствуете, что тонете — сожмите мою руку. Я вытащу вас.

Она легла. Закрыла глаза. Я положил правую руку ей на лоб, левую — на запястье с ожогом. И начал считать:

— Раз. Вы слышите мой голос. Два. Ваше тело засыпает, но сознание остается. Три. Вы входите в сон.

Она провалилась мгновенно — как камень в воду. Я последовал за ней.

Погружение в чужой сон похоже на ныряние в ледяное

озеро: сначала темнота, потом давление, потом внезапно — свет, звук, запах. Я открыл глаза.

Я стоял в коридоре. Зеленые стены. Мокрый линолеум. Запах хлорки и — да, теперь я чувствовал отчетливо — железа. Кровь.

Вероники рядом не было. Зато в конце коридора хлопнула дверь. Я пошел на звук, стараясь не скользить. Мои шаги не оставляли следов — в чужом сне я был наблюдателем, почти призраком. Но я мог чувствовать. И то, что я чувствовал, заставляло волосы на затылке шевелиться.

Это был не просто кошмар. Это была могила.

Глава 3. Коридор

Я шел по коридору и считал двери. Слева — четыре, справа — три. В конце — еще одна, металлическая, с облупившейся краской. На полу — лужи. Не воды. Я наклонился, коснулся пальцем — красное, липкое. Кровь, но старая, почти черная.

— Вероника! — позвал я. Тишина. Только капли падают с потолка. Я поднял голову. На потолке — следы от рук. Чьи-то ладони оставляли кровавые отпечатки, будто человек полз по потолку. В моей практике было всякое — летающие монстры, падения в бездну, собственные похороны. Но потолок с отпечатками ладоней — это новое.

Я прошел первую дверь. За ней оказалась пустая комната с ободранными обоями и перевернутым стулом. Ничего. Вторая — ванная. Белый кафель, раковина, зеркало. В зеркале я увидел не себя. Там стояла Вероника — но с закрытыми глазами, и из ее запястья сочилась кровь, падающая в раковину. Я обернулся — за мной никого. Снова посмотрел в зеркало — пусто.

Третья дверь вела в спальню. Двухспальная кровать, сбитое белье, на подушке — темное пятно. Я провел рукой по простыне. Влажно. Запах пота и страха. Кто-то здесь лежал, не спал, ждал. Кто-то боялся.

— Пожалуйста, — прошептал голос за моей спиной.

Я резко обернулся. Никого. Но голос был — женский, молодой, без истерики, скорее усталый.

— Помоги мне, — сказал голос. — Он придет.

— Кто? — спросил я в пустоту.

— Тот, кто убил. Тот, кто каждую ночь возвращается. Я не могу уйти. Я застряла здесь.

— Ты — сон?

— Я была человеком. Теперь я — воспоминание. Он запер меня в своей голове, а она перепрыгнула в других. В эту женщину. Она не виновата. Вытащи меня.

Я понял. Кошмары редко говорят. Они — эмоции, а не личности. Но если воспоминание о травме настолько сильно, что обретает голос Это значит, что человек, которому оно принадлежало, умер насильственной смертью. И его последние секунды впечатались в чью-то память, а потом — через сны — начали передаваться дальше, как вирус.

Я сделал шаг к выходу из спальни — и тут же оказался в ванной. Смена декораций произошла без щелчка, без затемнения. Просто я стоял в коридоре, а в следующее мгновение — уже в ванной, и передо мной была женщина. Молодая, лет двадцати пяти, в синем халате. Босая. Волосы мокрые. Она сидела на полу, прижавшись спиной к ванне, и смотрела на дверь.

— Он идет, — сказала она, не глядя на меня.

— Кто он?

— Он сказал, что я видела слишком много. Я работала у

него секретарем. Два года. Я знала про счета, про девочек, про стройку. А потом он узнал, что я собираю документы. Я хотела в полицию. Он приехал ночью.

— Как его имя?

Она подняла глаза. В них не было страха — только усталость. И какая-то странная благодарность, будто она ждала этого вопроса годы.

— Ты не поверишь, — сказала она. — Он приходит ко мне во сне каждую ночь. Не просит прощения. Не мучает. Просто смотрит. И я вспоминаю. Каждый раз заново. Это хуже смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.